

A man with a concerned expression, wearing a brown flat cap and a grey wool coat, looks back over his right shoulder. He is standing on a wet cobblestone street in a city. In the background, a red and yellow tram is visible, and a tall, ornate building with a spire rises in the distance. A person in a dark coat is walking away from the camera on the left. The sky is overcast and grey.

Владимир Кожевников

Воронов.

Хроники перемен

Владимир Кожевников
Воронов. Хроники перемен

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Воронов. Хроники перемен / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Советский Союз, 1962 год. Алексей Воронов, тридцатипятилетний программист из 2024-го, просыпается в чужом теле молодого техника-наладчика московского НИИ. Вокруг — коммуналка, очереди, портреты Ленина и ощущение, что за каждым шагом следят. Его знания о будущем — опасный груз, который может стоить жизни. Случайная авария, чужая мастерская, таинственный заказчик и нелегальный радиопередатчик затягивают Алексея в сеть шпионских игр, где правда неотличима от лжи. Чтобы выжить, он вынужден стать двойным агентом: враги угрожают любимой девушке, а союзники подозревают в измене. Каждый шаг приближает к разоблачению, и единственная надежда — вывести на чистую воду предателя в высших эшелонах власти. Но даже если удастся распутать этот клубок, какова цена? И можно ли изменить историю, не сломав судьбы тех, кто стал дороже прошлой жизни?

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зеркало с трещиной	5
Глава 2. Соседи и тени	9
Глава 3. Чужая тень	12
Глава 4. Мастерская на Правде	15
Глава 5. Схема	17
Глава 6. Двое суток	19
Глава 7. Четверг	22
Глава 8. Возвращение на службу	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Кожевников

Воронов. Хроники перемен

Глава 1. Зеркало с трещиной

Мир возвращался ощущениями.

Сначала — тишина. Не привычный ночной эмбиент моей квартиры в московской новостройке: не гудела вытяжка, не щелкал холодильник, не моргал синим огоньком роутер. Здесь тишина была не фоном, а самостоятельной вещью — плотной, вязкой, как старый бархат.

Потом — запах. Он просочился в меня еще до того, как я открыл глаза: пыль, нагретая солнцем известь, сухое дерево и едва уловимая, тоскливая нота — запах старого утюга и нафталина. Так пахло в детстве, когда я приезжал к бабушке в Загорск.

И, наконец, — свет. Мягкий, желтоватый, процеженный сквозь занавеску, он обволакивал, а не резал глаза. Где-то на периферии сознания зудела мысль, что в моей спальне не может быть такого света. Моя спальня выходила на север, и по утрам там царил ровный, прохладный полумрак.

Я открыл глаза.

Белёный потолок с паутиной трещин. Оранжевый абажур. Стены с желтоватыми разводами от протечек. Чужая комната.

Я резко сел. Пружины подо мной отозвались испуганным скрипом. Одеяло — тяжелое, ватное — сбилось в ноги. Ощущение собственного тела было странным: в нем жила чужая легкость, как будто я сбросил лет двадцать усталости и гравитации.

Я поднес к лицу руки. Это не заняло и секунды — так человек, проснувшись, машинально проверяет, на месте ли пальцы. Но того, что я увидел, хватило, чтобы кровь отхлынула от лица. Руки были не моими. Не те тридцатипятилетние руки программиста со шрамом на указательном пальце и бледной полоской от недавно снятых часов. Это были руки молодого человека — с гладкой кожей, чистыми ногтями, с выступающими венами на тыльной стороне ладони.

Я не закричал. Крик застрял в горле, превратился в беззвучный спазм. Я просто смотрел на эти руки, на то, как они дрожат, на то, как я — нет, не я, а кто-то другой — сжимает их в кулаки.

Медленно, как в дурном сне, я спустил ноги с кровати. Пол был дощатым, крашеным, холодным. Я встал. Тело слушалось, но с задержкой, будто между моим намерением и его исполнением был зазор в долю секунды.

В углу стоял массивный шифоньер с мутным зеркалом на дверце. Я пошел к нему. Идти было страшно. В отражении я увидел то, что и ожидал увидеть: худощавого парня лет двадцати пяти, с коротким светлым ежиком волос и серыми, широко распахнутыми от ужаса глазами. Парень был в белой майке и синих сатиновых трусах. Его — моя? — грудная клетка часто вздымалась.

Я поднял руку. Отражение сделало то же самое. Я потрогал лицо. Кожа была гладкой, щетина — едва заметной, почти юношеской. Я наклонился ближе. На левом виске, у самой линии волос, алела свежая царапина, запекшаяся по краю.

«Господи, — подумал я. — Что это? Кома? Розыгрыш? Или я сошел с ума?»

Сумасшествие было бы самым простым объяснением. Но безумие не бывает таким детальным. Оно не передает ощущение холода от крашеного пола под босыми ногами и запах нафталина, въевшийся в ткань.

Я огляделся. Комната была небольшой, метров двенадцать. Стандартное жилье одинокого молодого человека, но каждая вещь здесь казалась выуженной из прошлого, из старых

фильмов или музейных витрин. Железная кровать с никелированными шарами на спинках. Круглый стол, накрытый кружевной скатертью. Простой деревянный стул. На стене — репродукция «Утра в сосновом лесу». У окна — тумбочка с радиоприемником.

Радиоприемник! Я шагнул к нему, не веря своим глазам. Это была тяжелая коробка из желтоватого пластика с ручками, шкалой и названием «Спидола» на передней панели. Я потянулся к ней так, как потянулся бы к пришельцу из другого мира. Пластик был шершавым, чуть теплым от солнца. Я нажал на кнопку. Приемник щелкнул, зашипел, потом, сквозь треск, пробился голос.

«...встреча представителей Московского городского комитета с делегацией трудящихся Венгерской Народной Республики прошла в дружеской обстановке...»

Голос был чужим — с той особой, почти театральной интонацией, которую я слышал только в старых хрониках. Диктор произносил слова так, будто читал с каменных скрижалей.

Я выключил приемник. Руки тряслись. Я сел на стул, не отрывая взгляда от этого пластикового ящика. Венгерская Народная Республика. Радио. Старое радио, которое вещает как новое.

«Нет, — сказал я себе. — Нет, нет, нет».

Но подсознание уже все поняло. Оно, в отличие от меня, не цеплялось за версии с розыгрышем. Оно методично, по крупицам, собирало картину.

Я встал и подошел к столу. Там, на краешке, лежал отрывной календарь. Я смотрел на него, не решаясь прочесть. Смотрел, как на змею. Потом опустил взгляд.

«Суббота, 2 июня. Международный день защиты детей».

Ниже, мелким шрифтом, стоял год: 1962.

Я прочитал это трижды. И трижды мир не рухнул. Он просто стал другим.

В моей голове, как пустой банкомат, зажужжал и завис вопрос: «Как? Почему? Зачем?» Но это были не те вопросы, на которые можно было ответить сейчас. Сейчас нужно было другое: понять, кто я.

Я нашел на столе паспорт. Темно-синяя книжечка с гербом. Я открыл ее. «Воронов Алексей Иванович». Дата рождения: 17 марта 1937 года. Уроженец города Калинина. Прописан по адресу: Москва, Ленинградское шоссе, дом 26, квартира 14.

Значит, я — Алексей Воронов. Мне двадцать пять. И, судя по всему, я здесь живу.

Я закрыл паспорт и положил его обратно. Аккуратно, как бомбу. Мои собственные документы, банковские карты, ключи от квартиры, телефон — все исчезло. Как будто и не было.

И вдруг меня пронзила мысль: «А как же мама?»

Я не видел маму уже три года. Она жила в другом городе, мы созванивались раз в неделю. Я ругал себя за то, что редко звоню. И вот теперь...

Я сжал пальцами переносицу. Нет, стоп. Хватит. Если я дам волю этому, то просто лягу на пол и завою. А это сейчас — непозволительная роскошь.

Я посмотрел на себя в зеркало. В этот раз отражение не показалось таким чужим. «Тебя зовут Алексей Воронов, — сказал я отражению. — Тебе двадцать пять лет. У тебя есть комната. У тебя есть паспорт. Этого мало, но это то, что у тебя есть».

Я подошел к окну. Во дворе, колодцем между домами, висело белье. По мощеной дорожке шла женщина с бидонами. На скамейке сидели старухи. Одна из них подняла голову и посмотрела на мое окно.

Я отпрянул. Сердце забилося. «Соседи всё видят» — всплыла в памяти невесть откуда взявшаяся фраза.

Что я знал о Воронове? Ничего. Я не знал, где он работает. Не знал, есть ли у него родители. Не знал, кто эти люди за стеной. Это было чертовски опасно. Один неверный шаг — и меня начнут расспрашивать. А что я смогу ответить?

Я начал методично обследовать комнату. Шкаф: две пары брюк, рубашка, пиджак, белье. На нижней полке — сверток в газете. Я развернул его. Внутри — пачка денег. Я пересчитал: шестьдесят три рубля. По моим смутным представлениям о ценах, это было не так уж мало — примерно две трети месячной зарплаты инженера. Но я мог ошибаться.

С газетного обрывка, в который были завернуты деньги, на меня смотрела фотография. Я взгляделся. «Советский космонавт Герман Титов успешно выполнил программу полета». Подпись под снимком была смазана, но смысл ясен. Значит, космическая гонка уже идет. Гагарин уже слетал.

Я отложил деньги. В столе, в верхнем ящике, лежали какие-то бумаги. Справка с места работы. Я жадно вчитался.

«Выдана Воронову А.И. в том, что он действительно работает в НИИ-35 в должности техника-наладчика».

НИИ-35. Что это? Никогда не слышал. Но теперь я знал, куда я вчера не пошел на работу. В дверь постучали.

Я замер. Стук повторился — уже настойчивее.

— Воронов! — голос был женский, немолодой, с ворчливыми нотками. — Ты дома?

Я не ответил. Просто стоял посреди комнаты, прижимая к груди злополучную справку, и смотрел на дверь. Из-под нее пробивалась полоска тусклого света.

— Алексей! Я знаю, что ты там! — продолжала женщина. — У тебя утром почтальон был. Я сказала, чтоб телеграмму мне оставил. От твоей матери!

Телеграмма. От матери Воронова. Моей матери.

Я сглотнул. Горло пересохло. Нужно было открыть. Но я не знал, кто эта женщина. Я не знал, как с ней разговаривать. Как к ней обращаться? По имени-отчеству? «Товарищ»? Просто «женщина»? Я не знал.

— Сейчас! — выдавил я.

Голос прозвучал хрипло, но по-молодому.

Я подошел к двери, щелкнул замком. На пороге стояла грузная женщина в синем халате и с бигуди. В руке она держала сложенный листок бумаги.

— Здравствуйте, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Здорово, коли не шутишь, — усмехнулась она, окидывая меня взглядом. — Ты что, нездоров? Бледный, как поганка. И смотрю, вчера на работу не ходил. Случилось чего?

— Голова кружится, — сказал я, отводя взгляд. — С утра. Спал плохо.

— То-то и видно, — она протянула мне телеграмму. — Держи. От матери твоей, из Калинина.

Я взял листок. Он был легким, но в руке показался свинцовым.

— Спасибо, — сказал я.

— Ты бы поел чего, — вдруг смягчилась соседка. — А то смотришься неважно.

— Хорошо. Спасибо.

Она постояла еще пару секунд, как будто ожидая, что я приглашу ее войти. Потом развернулась и, шаркая тапками, пошла по коридору.

Я закрыл дверь. Прислонился к ней спиной. Медленно сполз вниз, на корточки. В голове шумело. Телеграмма жгла ладонь.

Мама Алексея жива. Она в Калинин. Она ищет сына.

Я не знал, что чувствовать. Этот парень, в чьем теле я оказался, был для меня никем. Но где-то там была женщина, которая любила его и ждала вестей. И теперь я — единственный, кто мог ей ответить. Это неправильно. Это подло. Но выбора у меня не было.

Я развернул листок. На серой телеграфной бумаге, наклеенной на бланк, было отпечата-

«БЕСПОКОЮСЬ ТВОЕМ ЗДОРОВЬЕ ЗПТ НЕМЕДЛЕННО СООБЩИ О СЕБЕ ТЧК
МАМА»

Я прочитал это трижды. Потом сложил телеграмму и сунул в карман брюк. Чужой карман. Чужие брюки. Чужая мама.

Я поднялся. Прошел к умывальнику в общем коридоре. Пустил ледяную воду, долго плескал в лицо. Зеркало над раковиной было старым, с ржавыми подтеками. Из него на меня смотрел Алексей Воронов.

Я вгляделся в его лицо. Молодое, измученное, с тенью страха в серых глазах. Но это было уже не совсем чужое лицо. Я начинал привыкать к нему.

«Ладно, — подумал я, вытираясь чужим полотенцем. — Разберемся. Но сначала — нужно понять, что здесь происходит».

Глава 2. Соседи и тени

Телеграмму я решил пока не трогать. Положил на стол, придавил стеклянной чернильницей, чтобы не улетела от сквозняка. Ответить я всегда успею. Сначала нужно было понять, как здесь жить.

Я вернулся к шкафу. На верхней полке, за стопкой постельного белья, нашел трудовую книжку. Маленькая, в серой обложке. Я открыл ее. Записи были сделаны аккуратным почерком, чернилами. «Воронов Алексей Иванович. Образование: среднее техническое. Специальность: техник-электрик». Далее — места работы. Первая запись: «1955 г. Принят на должность ученика токаря на завод "Красный пролетарий"». Вторая: «1958 г. Переведен на должность техника в НИИ-35». И все. Никаких поощрений, взысканий. Обычная биография.

Я перевернул страницу. Вкладыш. Справка о том, что Воронов освобождается от воинской обязанности по состоянию здоровья. Диагноз был написан неразборчиво, но я разобрал слово «миопия». Близорукость. Значит, очки носил? Но в комнате очков не было. Я машинально прищурился, проверяя зрение. Глаза видели хорошо. Видимо, в этом теле зрение было нормальным, а справка липовая? Или очки остались на работе? Ладно.

Я выдвинул нижний ящик стола. Там лежали старые газеты, перевязанные бечевкой, несколько конвертов и потрепанная записная книжка. Я взял книжку. Страницы были исписаны мелкими, убористыми буквами. Телефоны, адреса, какие-то пометки. «Иванов — долг 10 р.», «Галя — не звонить», «Сергеев — передать чертежи». Я пролистал. Много непонятного. Но кое-что зацепило: на последней странице, в уголке, карандашом было написано: «Ключ от мастерской — у Мироныча».

Мироныч. Кто это? Коллега? Сосед? Я не знал.

Я перебрал конверты. Один был от матери — обратный адрес: город Калинин, улица Союзная, дом 7. Я вскрыл его. Внутри был сложенный листок. Я развернул. Почерк был женским, с наклоном вправо.

«Здравствуй, дорогой Лешенька!»

Я остановился. Вот оно. Значит, мать звала его Лешенькой.

«У нас все хорошо. Отец болеет, но держится. Ты не приезжаешь уже полгода, и я места себе не нахожу. Напиши хоть пару слов. Как твоя работа? Как здоровье? Береги себя, сынок. Жду весточки. Твоя мама».

Я перечитал дважды. Потом сложил письмо и убрал обратно в конверт. Значит, отец жив, но болеет. Мать пишет из Калинина. Воронов не отвечал полгода. Это многое объясняло.

Я сел за стол и взял ручку. Теперь я знал, как начать. «Здравствуй, дорогая мама!» — вывел я. Потом остановился. Что писать? Я не знал, как обращаться к отцу. «Папа» или «отец»? Я выбрал «отец» — так, кажется, было принято.

Слова давались тяжело. Я не знал этого человека, но писал от его имени. Это было похоже на подделку. Но иначе было нельзя. Я писал о том, что жив, здоров, что с работой все в порядке, что приеду в отпуск, как только смогу. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы выдать меня.

Я сложил листок, нашел в ящике конверт, надписал адрес. Сунул письмо в карман.

Теперь — на улицу.

Но сначала — осмотреться. Я открыл дверь в коридор. Тихо. Я прошел к умывальнику, умылся, почистил зубы пальцем с содой, которую нашел на полке. Сода была в жестяной банке. На вкус — гадость. Но зубы стали гладкими.

Из кухни пахло жареным луком. Я пошел туда. На общей плите стояла сковорода с картошкой. Пожилая женщина в переднике помешивала ее. Увидев меня, она обернулась.

— О, Леша, — сказала она. — Вышел. А я уж хотела стучать.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуй, коли не шутишь, — она усмехнулась. — Ты что, заболел? Бледный какой-то.

— Голова кружится. Спал плохо.

— Понятно. Ты бы хоть поел. Вон, чайник горячий. Сделай себе чаю.

Я кивнул. Налил кипятку в кружку, которая стояла на полке. Кружка была с синим цветком. Отхлебнул.

— Ты матери-то ответь, — сказала женщина, не поворачиваясь. — Телеграмму я тебе передала. А она, поди, волнуется.

— Ответил, — сказал я. — Сейчас пойду на почту.

— Ну и молодец. — Она вытерла руки о фартук. — А то смотрю, ты сам не свой вчера был.

Я замер. Вчера. Что было вчера?

— Что вчера? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Женщина обернулась и посмотрела на меня.

— Ну, как что? Ты пришел вечером, лица на тебе не было. В комнату заперся. Я стучала — ты не открыл. Вот я и подумала, не случилось ли чего.

Я сглотнул. Значит, вчера с Вороновым что-то произошло. Что-то, что заставило его запереться. И, возможно, это связано с царапиной на виске.

— Да нет, — сказал я. — Просто устал.

— Ну смотри. — Она снова отвернулась к сковороде. — А то я уж хотела участковому звонить.

Участковому. Этого еще не хватало.

Я допил чай, поблагодарил и вышел. В комнате я взял деньги, пересчитал. Шестьдесят три рубля. Положил в карман. Надел пиджак. Вышел.

На лестничной клетке было темно. Ступени стерты. Пахло кошками. Я спустился, толкнул тяжелую подъездную дверь.

Солнце ударило в глаза. Я зажмурился. Пахло тополями, бензином, пылью. Двор был залит светом. На скамейке сидели три старухи. Они посмотрели на меня, но ничего не сказали. Только одна, в темном платке, проводила взглядом.

Я пошел к арке. Навстречу мне шла женщина с коляской. Коляска была странной, низкой, на больших колесах. Я посторонился. Женщина улыбнулась. Я кивнул.

На проспекте было шумно. Звенели трамваи. Проехала «Волга». Потом автобус с круглыми фарами. Люди шли по тротуарам, спешили. Я встал на мгновение, пропуская поток.

Мне нужно было найти почту. Я повертел головой. Вывески: «Гастроном», «Аптека», «Химчистка». Почты не было. Я пошел наугад, стараясь не привлекать внимания.

Через два квартала я увидел синий ящик для писем. Подошел, опустил конверт. Потом зашагал обратно.

На углу я заметил газетный киоск. На витрине — свежие газеты. Я подошел. Заголовки: «Трудовые победы советского народа», «Решения Пленума ЦК». Я купил «Вечернюю Москву» за две копейки. Просто чтобы посмотреть.

Вернувшись во двор, я снова попал под взгляды старух. Они переглянулись. Я ускорил шаг.

В комнате я развернул газету. И тут же наткнулся на маленькую заметку внизу второй полосы: «Хроника происшествий. В ночь на 2 июня в районе Ленинградского проспекта произошло дорожно-транспортное происшествие. Водитель автомобиля "Москвич" совершил наезд на пешехода. Пострадавший доставлен в больницу. Личность устанавливается».

Я отложил газету. Ночь на 2 июня. Вчера. Ленинградский проспект. Царапина на виске. Воронов пришел вечером сам не свой.

Может, это просто совпадение. Но что-то в этом было. Что-то, что не давало покоя.

Я снова взял записную книжку. «Ключ от мастерской — у Мироныча». Если Воронов был техником-наладчиком, у него могла быть мастерская. А если он вчера попал в аварию, то, возможно, он знал того водителя. Или того пешехода.

Я потер виски. В висках нарастал шум, как будто кто-то крутил ручку старого телефона.

И только тогда заметил записку.

Она лежала на столе, рядом с чернильницей. Я не оставлял ее. Я был уверен.

Я подошел. Записка была написана печатными буквами.

«ВОРОНОВ, НЕ ИГРАЙ С ОГНЕМ. ТЫ ЗНАЕШЬ, О ЧЕМ Я».

Я перечитал. По спине пробежал холодок.

«Я не знал, — подумал я. — И это было хуже всего».

Глава 3. Чужая тень

Записка не давала покоя. Я сидел на стуле, смотрел на нее и пытался сообразить, кто мог ее подбросить. Дверь я запираю, когда уходил на почту. Ключ был у меня. Но дверь в коммуналке — это не крепость. Замок старый, язычок едва держался. Любой сосед мог отпереть его гвоздем. Или кто-то вошел, пока я был на кухне. Я не запираю дверь, когда ходил умываться и пить чай. Значит, у этого человека было время.

Я перечитал записку. «Не играй с огнем. Ты знаешь, о чем я». Что за огонь? Что Воронов знал? Я не знал ничего. И это пугало больше всего.

Я спрятал записку в ящик стола, под газеты. Потом достал записную книжку. Нужно было понять, что за человек был Воронов. Я пролистал страницы. Телефоны: «Мироныч — 3-45-67», «Сергеев — 2-18-90», «Галя — 4-12-33» (зачеркнуто, рядом приписано «не звонить»). Адреса: «Иванов, ул. Строителей, д. 5, кв. 12». И еще: «Мастерская, ул. Правды, 10». Ключ от мастерской — у Мироныча. Значит, у Воронова была мастерская. Но где ключ? В кармане? Я пошарил в карманах брюк. Ничего, кроме платка. В пиджаке — тоже. Может, ключ на работе или у Мироныча.

Я закрыл книжку. Потом вспомнил про трудовую. Перечитал. «НИИ-35». Что это за институт? Я напряг память. В моей истории это был НИИ точной механики и вычислительной техники? Или что-то связанное с полупроводниками? Я не помнил. Но техник-наладчик в НИИ — это, скорее всего, обслуживание оборудования. Электроника, лампы, реле. Я мог бы с этим справиться, если бы знал, что за оборудование. Но я не знал.

Я подошел к окну. За ним уже смеркалось. День пролетел незаметно. Я просидел в комнате, разбирая бумаги, до вечера. Желудок сводило. Я купил продукты, но так и не поел. Надо было поужинать.

Я вышел на кухню. Там было пусто. На плите стоял остывший чайник. Я налил кипятка в кружку, отрезал хлеба, намазал маслом. Сел за общий стол. Вкус был простой, но я почувствовал, как силы возвращаются.

Вошел сосед — мужчина лет сорока, в майке, с полотенцем на плече. Увидел меня, кивнул.

— Вечер добрый, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответил я.

— Ты как, отошел? — спросил он, наливая себе чай.

— Да, лучше.

— Ну-ну. А то вчера на тебе лица не было.

Опять вчера. Что же случилось? Я не мог спросить прямо — это вызвало бы подозрения. Но я мог попытаться вытянуть информацию.

— Да, вчера тяжелый день был, — сказал я осторожно. — На работе навалилось.

— На работе? — он хмыкнул. — А я думал, ты с Галкой своей поругался. Она вчера приходила, стучала, а ты не открыл. Стояла в коридоре, плакала.

У меня внутри похолодело. Галя. Та самая, которой «не звонить». Она приходила вчера. Воронов не открыл. И она плакала.

— Понятно, — сказал я, стараясь не выдать волнения. — Ну, бывает.

— Бывает, — согласился сосед. — Только ты не тани, а то девка совсем изведется. Она ж тебя любит.

Я кивнул. Сосед допил чай и ушел. Я остался один на кухне. Значит, у Воронова была девушка. И, судя по всему, он с ней поругался. Или не поругался, а просто не открыл. И она плакала в коридоре. А я теперь должен как-то с этим жить.

Я вернулся в комнату. В голове крутились обрывки. Галя, Мироныч, записка, НИИ-35. Все это складывалось в какую-то мозаику, но я не видел картины. Мне нужно было больше информации. Но где ее взять?

Я решил обыскать комнату еще раз, более тщательно. Открыл шкаф, выдвинул ящики, прощупал одежду. В кармане старого пиджака нашел квитанцию из химчистки. На ней дата: 28 мая. И фамилия: Воронов. Я отложил. В другом кармане — трамвайный билет. На столе под скатертью — обрывок газеты с кроссвордом. Я развернул. Кроссворд был решен наполовину. На полях — карандашные пометки. Одна из них: «Позвонить М. до вторника».

М. — это Мироныч? Или кто-то еще? Я запомнил.

На дне шкафа, под ворохом тряпья, я нашел завернутую в тряпицу предмет. Это была фотография. Молодая женщина с темными волосами, улыбается в объектив. На обороте надпись: «Леше от Гали. Июнь 1961». Значит, они вместе уже год. Или были вместе.

Я смотрел на фотографию. Красивое лицо, открытая улыбка. Я не знал эту девушку, но она знала меня. Точнее, Воронова. И теперь она, возможно, страдает из-за того, что я здесь.

Я положил фотографию обратно. Мне стало не по себе. Я — самозванец, укравший чужую жизнь. И в этой жизни есть люди, которые мне не чужие. Точнее, они чужие мне, но я для них — близкий человек. Это было невыносимо.

Я сел на кровать. Пружины скрипнули. Я думал о том, что делать дальше. Мне нужно было завтра как-то прожить воскресенье, а в понедельник пойти на работу. Но как я пойду на работу, если я ничего не знаю? Меня сразу раскусят. Но не пойти — еще хуже: начнут искать, придут домой.

Может, позвонить Миронычу? Сказать, что заболел, попросить отгул. Но я не знаю, кто он — начальник, коллега, друг. И не знаю, как он ко мне относится. Если я позвоню и скажу что-то не то, будет хуже.

Я решил, что утро вечера мудренее. Завтра будет воскресенье, и я смогу спокойно обдумать. А пока — спать.

Я разделся, лег. Одеяло пахло пылью. Я долго ворочался, прислушиваясь к звукам коммуналки: где-то капала вода, скрипели половицы, за стеной бормотало радио. Под эти звуки я провалился в сон.

Мне снился мой мир. Снился смартфон, светящийся в темноте. Снились мама, зовущая меня по имени. Но ее голос был далеким, и я не мог ответить.

Проснулся я от стука в дверь. За окном было уже светло. Я поднял голову. Стук повторился — тихий, неуверенный.

— Леша, ты дома? — голос был женский, молодой, с дрожью.

Я сел на кровати. Сердце забилося. Галя. Это она.

Я не знал, что делать. Открыть? Не открыть? Если не открою, она снова уйдет в слезах, а соседи будут смотреть. Если открою — я не знаю, как себя вести.

Стук повторился.

— Леша, пожалуйста, открой. Мне нужно с тобой поговорить.

Я встал, натянул брюки. Подошел к двери. Рука дрожала. Я открыл.

На пороге стояла девушка. Та самая, с фотографии. Только сейчас она была бледной, с красными от слез глазами. Волосы собраны в небрежный пучок. Одета в простое платье. Она теребила в руках маленький платочек, скручивая его в жгут.

— Здравствуй, — сказала она тихо.

— Здравствуй, — ответил я.

Пауза. Она смотрела на меня, я — на нее. Я не знал, что говорить. В голове билась мысль: «Кто она? Почему она плачет? Что я ей сделал?» Но я не мог спросить.

— Можно войти? — спросила она.

Я посторонился. Она вошла, встала посреди комнаты. Я закрыл дверь.

— Ты вчера не открыл, — сказала она, не глядя на меня. — Я приходила. Плакала в коридоре. А ты даже не вышел.

Я молчал. Что я мог сказать?

— Я знаю, ты злишься, — продолжала она. — Но я не сделала ничего плохого. Просто... я боюсь за тебя.

— За меня? — вырвалось у меня.

Она подняла глаза. В них была тревога.

— Да. Ты вчера был сам не свой. Я видела тебя вечером. Ты шел по улице, шатался. Я окликнула, но ты не услышал. А потом ты заперся и не отвечал. Я испугалась.

Я сглотнул. Значит, она видела Воронова вчера вечером, после того как он пришел с той аварии? Или до? Я не знал.

— Со мной все в порядке, — сказал я, стараясь говорить ровно.

— Неправда, — она покачала головой. — Ты изменился. Я чувствую.

Она сделала шаг ко мне. Я отступил. Она остановилась, на лице отразилась боль.

— Леша, что с тобой? — прошептала она. — Ты как чужой.

Вот оно. Момент истины. Я не мог больше притворяться. Но и правду сказать не мог.

— Прости, — сказал я. — Я просто очень устал. Вчера был тяжелый день.

Она смотрела на меня, и я видел, что она не верит. Но она не стала спорить. Просто подошла к столу, взяла фотографию, ту самую, что лежала на видном месте. Видимо, я забыл убрать.

— Ты смотрел на нее, — сказала она.

— Да.

— Ты меня еще любишь?

Вопрос повис в воздухе. Я не знал, что ответить. Я не любил ее. Я вообще не знал эту женщину. Но сказать «нет» — значит разбить сердце человеку, который не сделал мне ничего плохого.

— Я не знаю, — ответил я честно.

Она вздрогнула, как от пощечины. Положила фотографию на место.

— Понятно, — сказала она севшим голосом. — Ты уже все решил.

— Нет, я...

— Не надо. — Она выпрямилась. — Я поняла.

Она повернулась к двери. Я не остановил ее. Просто стоял и смотрел, как она уходит.

У двери она обернулась.

— Береги себя, Леша. И не ходи один по вечерам. Вчера я видела возле твоего дома человека. Он стоял за деревом и смотрел на твои окна.

Я похолодел.

— Какого человека?

— Не знаю. В плаще, хотя на улице тепло. Он стоял долго, потом ушел. Я испугалась.

Она вышла, тихо закрыв дверь. Я остался один.

Человек в плаще. Записка. Авария. Все это складывалось в одну пугающую картину.

Я подошел к окну и выглянул. Во дворе было пусто. Только старухи на лавочке. Но теперь они показались мне не просто любопытными соседками. Они могли быть свидетелями. Или кем-то еще.

Я отошел от окна. Мне нужно было срочно разобраться, что происходит. Пока не стало слишком поздно.

Глава 4. Мастерская на Правде

После ухода Гали я долго стоял посреди комнаты, прислушиваясь к тишине. В голове крутились обрывки: человек в плаще, записка, авария. Я чувствовал себя зверем, загнанным в угол, но не знал, от кого бежать.

Я подошел к двери, запер ее на ключ. Потом подошел к окну, плотнее задернул занавеску. В комнате стало сумрачно. Я сел на кровать, обхватил голову руками. Нужно было что-то делать. Но что?

Взгляд упал на записную книжку, оставленную на столе. Я снова открыл ее на странице с адресами. «Мастерская, ул. Правды, 10». И пометка: «Ключ от мастерской — у Мироныча». Если я хочу понять, что происходит, нужно идти туда. Возможно, там я найду ответы. Или хотя бы Мироныча.

Но сначала — телефон. В коридоре висел общий аппарат. Я мог позвонить Миронычу. В книжке был номер: 3-45-67. Я колебался. Звонить или идти? Звонок безопаснее: не нужно никуда идти, не нужно светиться. Но я не знал, как разговаривать. А вдруг Мироныч поймет, что я не Воронов? И все же, это был шанс.

Я вышел в коридор. Телефон висел на стене, старый, с диском. Я снял трубку. Гудок. Набрал номер. Длинные гудки. Один, второй, третий. Никто не брал. Я повесил трубку. Не судьба.

Тогда — идти. Я оделся, взял деньги, записную книжку. Ключ от комнаты сунул в карман. Вышел.

На улице было ветрено, пахло дождем. Я поднял воротник пиджака. Ленинградский проспект гудел. Я влился в поток. Нужно было доехать до Савёловского вокзала. Я сел на троллейбус. Ехали долго. Я стоял у окна, смотрел на проплывающие дома. Все было чужим. Вывески, афиши, люди. Я чувствовал себя пришельцем.

На остановке «Улица Правды» я вышел. Нашел дом 10. Старый, с облупившейся штукатуркой. Во дворе — деревянные сараи. Я обошел дом, ища вход в подвал. Нашел: железная дверь с замком. Рядом — окно, заколоченное фанерой, но одна доска оторвана. Я заглянул в щель. Темно. Я постучал. Тишина. Постоял. Никого.

Я решил подождать. Отошел к соседнему подъезду, встал в тень. Минут через десять во двор вошел коренастый мужчина в рабочей куртке. Он направился к двери подвала. Я вышел из укрытия.

— Мироныч? — окликнул я.

Мужчина обернулся. Прищурился.

— Воронов? Ты? — он подошел ближе. — Ты чего здесь? Я думал, ты болеешь.

— Уже лучше, — сказал я. — Зашел проверить.

— Проверить? — он усмехнулся. — Ну, пойдем, раз пришел.

Он отпер дверь. Мы спустились. В подвале пахло сыростью, паяльником, канифолью. Мироныч зажег лампочку. Я огляделся. Верстак, радиодетали, провода, стеллаж с лампами. В углу — разобранные телевизоры.

— Ну, как дела с заказом? — спросил Мироныч, садясь на табурет. — Доделал?

Я не знал, что ответить. Заказ. Что за заказ?

— Голова еще болит, — сказал я. — Вчера... я попал под машину. Слегка.

Мироныч нахмурился.

— Под машину? Это где? На Ленинградском? — он пристально посмотрел на меня. — Так это ты был? А я думал, ты просто сбежал.

— Нет, не сбежал. — Я старался говорить уверенно. — Отшибло немного память. Прости.

— Память? — Мироныч поднял бровь. — Это плохо. А про заказ помнишь?

Я сделал вид, что задумался.

— Смутно. Напомни.

Мироныч покачал головой.

— Воронов, не нравится мне это. Ты вчера ушел ни с того ни с сего. Теперь говоришь, память отшибло. А если ты не ты?

Я похолодел. Он подозревал. Нужно было срочно убедить его.

— Мироныч, это я. Просто... я действительно ударился. Вот, смотри. — Я показал царапину на виске. — Видишь?

Мироныч наклонился, посмотрел.

— Вижу. Ладно, верю. Но заказ все равно ждать не будет. Ты хоть помнишь, что мы делаем?

— Передатчик? — осторожно сказал я.

— Ну да. — Мироныч облегченно вздохнул. — Значит, не все забыл. Заказчик придет в четверг. Нужно успеть.

— Успеем, — сказал я, хотя сам в этом сомневался.

— Смотри. — Мироныч поднялся. — Схемы у тебя дома. Доделай там. Здесь больше не светись. Вчера возле мастерской крутился какой-то тип в плаще.

Я напрягся.

— В плаще? Что за тип?

— Не знаю. Стоял, смотрел. Я вышел — он ушел. — Мироныч посмотрел на меня. — Ты случаем не знаешь, кто это?

— Нет, — сказал я. — Но я его тоже видел возле своего дома.

Мироныч побледнел.

— Вот как. Тогда дело серьезное. Ты будь осторожен. И не ходи сюда без нужды. Встретимся в среду, проверим, что готово.

Он проводил меня до двери. Я вышел. Дождь усилился. Я поднял воротник и пошел к остановке. На душе было тревожно. Передатчик. Заказчик. Слежка. Я вляпался по уши.

У остановки я обернулся. На другой стороне улицы стоял человек. Он был без плаща, но смотрел на меня. Я быстро сел в подошедший троллейбус.

Глава 5. Схема

Дверь я запер на два оборота. Потом, не снимая пиджака, подошёл к окну и осторожно, одними пальцами, отодвинул край занавески. Двор был пуст. Мокрый асфальт блестел в свете одинокого фонаря. Скамейка, где днём сидели старухи, опустела. Я перевёл дух. Может, показалось? Нет. Я знал, что за мной следят. Это чувствовалось затылком, лопатками, тем неприятным холодком, который не спутать ни с чем.

Я снял пиджак, бросил на стул. Сел за стол. Достал из кармана записную книжку, перечитал: «Мастерская, ул. Правды, 10», «Ключ от мастерской — у Мироныча». Схемы дома. Я обыскал комнату ещё раз — не так, как днём, а методично, с отчаянием человека, который ищет иголку в стоге сена.

Ящики стола: бумаги, газеты, инструменты. Нижний ящик — старые тряпки. Я вытряхнул всё на пол. И только тогда заметил, что под кипой газет, на самом дне, лежит плоский свёрток, перетянутый бечёвкой. Я его не видел раньше, потому что он был приклеен скотчем к задней стенке ящика. Я оторвал. Развернул.

Листы миллиметровки, исписанные мелким карандашным почерком. Схемы. Я поднёс их к лампе. Прямоугольники, кружочки, линии. Резисторы, конденсаторы, катушки индуктивности, лампы. Коротковолновый передатчик. Я уставился на обозначения: R1, C3, L2. Вроде знакомо, но в голове — пустота.

Я включил паяльник. Старый, с деревянной ручкой, шнур в матерчатой оплётке. Жало нагревалось медленно. Я смотрел на схемы, как на египетские иероглифы. В моей прошлой жизни я был программистом, знал цифровую электронику. Но аналоговая ламповая техника — это другой мир. Высокое напряжение, накальные цепи, монтаж навесным способом. Я не умел.

Паника подступила к горлу. Если я не соберу передатчик, заказчик поймёт, что я не Воронов. А что будет потом — я боялся даже представить.

Я попытался мыслить логически. Что я знал? Передатчик нужен для связи. Возможно, нелегальный выход в эфир. Заказчик, судя по словам Мироныча, человек опасный. Значит, от меня ждут конкретный результат. Значит, я должен либо собрать, либо исчезнуть. Но исчезнуть в Москве 1962 года без документов, без денег, без связей — невозможно.

Я подошёл к окну, выглянул. У подъезда, под фонарём, стоял человек. Я замер. Он не двигался. Смотрел на мои окна. Я отпрянул. Сердце забило о рёбра. Я быстро задёрнул занавеску, выключил свет. В темноте стало тихо, только слышно было, как в висках стучит кровь.

Я сел на пол, прислонившись к стене. Мне нужно было что-то делать. Я не мог сидеть и ждать.

Решение пришло внезапно: идти к Миронычу. Не в мастерскую, а к нему домой. Адрес был в книжке. Я встал, оделся. Ночь, конечно, но выбора не было. Я должен попросить его помочь. Или хотя бы узнать, что именно нужно делать.

Я вышел. В подъезде пахло сыростью и кошками. Я ступал тихо, но половицы скрипели. На улице было пусто. Человек под фонарём исчез. Я пошёл быстро, не оглядываясь, но краем глаза ловил тени в подворотнях.

Дом Мироныча — старый, с облупленной штукатуркой. Квартира на втором этаже. Я поднялся, постучал. Тишина. Постучал ещё. За дверью послышалось шарканье.

— Кто? — раздался хриплый голос.

— Это Воронов, — сказал я.

Дверь приоткрылась. Мироныч, в майке, с заспанным лицом, уставился на меня.

— Ты чего ночью? — он нахмурился.

— Извини, Мироныч. Дело срочное. Я не могу собрать передатчик.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом кивнул:

— Заходи.

Мы прошли на кухню. Он налил мне чаю. Я рассказал, что после удара у меня с памятью совсем плохо, что я не помню, как паять. Мироныч слушал, хмурился.

— Ладно, — сказал он наконец. — Завтра утром придёшь в мастерскую. Я покажу, что и как. А сейчас иди домой и не высывайся. За тобой следят.

— Я знаю.

— Вот и помалкивай. И смотри, не подведи.

Я кивнул, допил чай и ушёл. На обратном пути я заметил тень в арке, но не остановился. Дома, не раздеваясь, рухнул на кровать. Сон не шёл. Я лежал, глядя в потолок, и думал о Гале. Она, наверное, уже спит. Или плачет. Я причиняю ей боль, сам того не желая.

Утром, в воскресенье, я проснулся от стука. Вскочил. В дверь колотили.

— Воронов, открой! — это был Мироныч.

Я открыл. Он ввалился в комнату, бледный.

— Беда, — выдохнул он. — Мастерскую вскрыли ночью. Всё перевернули, детали забрали.

Я похолодел.

— Кто?

— Не знаю. Но я видел возле дома человека в плаще. И ещё: тебе записка. На столе лежала.

Я обернулся. На столе, рядом со схемами, лежал конверт. Я подошёл, взял. Внутри — листок.

«ВОРОНОВ, У ТЕБЯ ОСТАЛОСЬ ДВА ДНЯ. И НЕ БЕГАЙ ОТ НАС».

Я скомкал листок. Вот оно. Всё сходится. Теперь я знал: это не просто слежка. Это охота.

Глава 6. Двое суток

Записка лежала на столе. Я смотрел на нее, не решаясь прикоснуться. «У тебя осталось два дня. И не бегай от нас». Слова били наотмашь. Я скомкал листок, швырнул в угол. Внутри все оборвалось.

Мироныч топтался у двери, кусал губу.

— Что делать-то? — спросил он, понизив голос до шепота.

Я не знал. В висках стучало. Я подошел к окну, выглянул. Двор был пуст, но это ничего не значило. Они могли быть где угодно: за углом, в подъезде, в соседнем доме, в моей голове.

— Нужно идти в мастерскую, — сказал я. — Оценить ущерб.

— Ты с ума сошел? — Мироныч всплеснул руками. — А вдруг там засада?

— А что сидеть? Через два дня заказчик придет. Если мы не отдадим передатчик, нам конец. Или ты думаешь, он пощадит?

Мироныч выругался, потер лицо ладонями.

— Ладно, черт с тобой. Только быстро. И если что — бежим.

Мы вышли. Моросил дождь, небо висело низкое, серое, как старая простыня. Я натянул кепку, поднял воротник. Мироныч шагал рядом, озираясь, как затравленный зверь. На трамвае доехали до Савеловского. Вагон был полупустой, но мне казалось, что все смотрят на нас. Я не мог избавиться от ощущения, что мы на прицеле, что каждый пассажир — потенциальный соглядатай.

У дома 10 по улице Правды остановились. Дверь в подвал была приоткрыта. Мироныч толкнул ее, петли заскрипели, как старые кости.

— Я первый, — шепнул он, и мы спустились.

В мастерской царил разгром. Ящики выпотрошены, детали рассыпаны по полу, стеллажи перевернуты. В углу валялись разбитые радиолампы, осколки стекла хрустели под ногами. Мироныч охнул, схватился за голову.

— Сволочи! Всё забрали!

Я огляделся. Верстак был пуст, но на полу, среди мусора, я заметил несколько уцелевших резисторов и пару конденсаторов. И главное — в дальнем углу, под куском фанеры, стоял старый телевизор «Рубин». Я подошел, приподнял фанеру. Телевизор был разобран наполовину, но внутри еще оставались лампы.

— Мироныч, смотри, — позвал я. — Можно использовать.

Он подошел, заглянул.

— Разобрать? Ты умеешь?

— Попробую. В телевизоре полно радиодеталей. Лампы, катушки, конденсаторы. Нам хватит.

Мироныч с сомнением покачал головой, но кивнул.

— Ладно, забирай. Только быстро. Не нравится мне здесь.

Мы погрузили телевизор на старую тележку, найденную в подвале, и повезли к Миронычу домой. Он жил в двух кварталах, в комнате, захламленной старыми радиодетальями, журналами и пустыми бутылками. На столе громоздились паяльники, провода, банки с канифолью. В комнате пахло табаком, пылью и канифолью. На стене тикали старые ходики с гирями. Мы разложили все.

— Я не знаю, как паять, — признался я. — Совсем.

— А я думал, ты в этом деле мастер. — Мироныч усмехнулся, но в глазах его был страх.

— Ладно, я сам спаяю. Ты мне поможешь. Держи паяльник, покажу.

Он включил старый паяльник, через несколько минут запахло канифолью. Мироныч ловко орудовал жалом, припаявая детали к плате. Я подавал компоненты, зачищал провода,

но руки дрожали. Я боялся, что испорчу что-нибудь. Работа шла медленно, с перерывами на ругань и перекур.

В перерыве Мироныч закурил, пуская дым в потолок.

— Слушай, Воронов, а ты не думал, кто мог нас сдать? — спросил он. — Кто-то же знал про мастерскую.

— Заказчик? — предположил я.

— Не, заказчик сам заинтересован, чтобы все было тихо. — Мироныч затушил папиросу.

— Может, сосед твой? Или эта твоя Галка?

Я вздрогнул.

— Галя не могла.

— А ты уверен? — Мироныч прищурился. — Она же к тебе ходит. Может, видела что-то.

Я промолчал. Мысль о том, что Галя может быть замешана, была невыносима. Но я не знал, кому верить. В этой игре все были под подозрением.

К вечеру мы собрали основную плату. Осталось намотать катушки. Мироныч сказал, что это самое сложное, и отложил на завтра.

— Завтра утром доделаем, — сказал он. — А сейчас иди домой. Тебе надо отдохнуть. Вид у тебя, как у покойника.

Я кивнул. По дороге домой зашел в гастроном, купил хлеба и колбасы. В подъезде, у почтовых ящиков, стояла Галя. Она обернулась, увидела меня, и лицо ее вспыхнуло. Она была в легком плаще, на голове — косынка, с которой стекали капли дождя.

— Леша! Я тебя ждала. — Она подошла, заглянула в глаза. — Ты опять весь день где-то пропадал.

— Работа, — буркнул я.

— Работа? В воскресенье? — Она покачала головой. — Леша, я же вижу, что у тебя неприятности. Скажи мне, что случилось.

Я хотел ответить что-то резкое, но слова застряли. Она смотрела на меня с такой надеждой, что у меня сжалось сердце. Я не мог ее обманывать, но и правду сказать не мог.

— Галя, я не могу тебе ничего объяснить, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Просто поверь, что так надо. Не ходи за мной. Не спрашивай.

— Но почему? — Она схватила меня за руку. — Я люблю тебя. Я помогу.

Я высвободил руку. Это было больно, но иначе нельзя.

— Прости. Так будет лучше для тебя.

Я пошел вверх по лестнице, чувствуя на себе ее взгляд. Наверху, у двери, я обернулся. Галя все еще стояла, опустив голову. Мне захотелось вернуться, обнять ее, но я не имел права.

Дома я заперся. Сел на кровать, не раздеваясь. Внутри все горело. Я причинял ей боль, но не мог поступить иначе. Чем меньше она знает, тем безопаснее.

Ночью я не спал. Сидел у окна, смотрел на двор. В три часа ночи у арки появился человек в плаще. Он стоял неподвижно, как изваяние. Я не отрывал от него глаз. Через десять минут он ушел, растворился в темноте. Я остался сидеть, прижавшись к стене. Они знают, где я живу. Они знают все.

Утром в понедельник я поехал к Миронычу. Он уже ждал с дымящимся паяльником.

— Давай, осталось немного, — бодро сказал он, но глаза были красные от недосыпа.

Мы намотали катушки, спаяли, проверили монтаж. К полудню передатчик был готов. Мироныч откинулся на стуле, вытер пот.

— Готово. Если заказчик не придерется, проканает.

Я посмотрел на аппарат. Он был неказистый, но настоящий. Я не знал, куда он пойдет и для чего. Внутри все сжималось от страха и отвращения. Я, человек из 2024 года, собираю шпионский передатчик в СССР. Это безумие. Но выбора не было.

— А вдруг он снова придет раньше? — спросил я.

— Не должен. Но если что, мы готовы. — Мироныч подмигнул. — И вот еще что. Я вчера видел возле мастерской того типа. Стоял, смотрел. Я его запомнил. Если увижу снова, поговорю.

— Лучше не связывайся, — предупредил я.

— Ладно, разберемся.

Я ушел. На улице снова моросил дождь. Я шел, не замечая дороги. В голове крутились обрывки: передатчик, заказчик, слежка, Галя. Я в полной темноте.

У подъезда я остановился. На двери моей комнаты висел листок. Я сорвал его.

«ПОЗДРАВЛЯЮ, ВОРОНОВ. ЖДУ В ЧЕТВЕРГ. БУДЬ ОДИН. ЗАКАЗЧИК».

Я огляделся. Коридор был пуст. Я сжал листок. Они знают, где я живу. Они знают, что передатчик готов. Они все знают. Я запер дверь, задвинул засов, сел на пол. Меня трясло. В ловушке. Я в ловушке.

Глава 7. Четверг

До четверга я почти не спал. Дни превратились в один непрерывный, липкий кошмар. В понедельник, вторник и среду я ездил к Миронычу, помогал доводить передатчик. Мы работали молча, изредка перебрасываясь короткими фразами. Мироныч нервничал, часто курил, ругался, когда что-то не получалось. Я же был как в тумане — все мысли только о предстоящей встрече.

В среду вечером, когда мы закончили, Мироныч протянул мне конверт.

— Держи. Это тебе.

— Что это?

— Записка. Я нашёл её утром под дверью мастерской. Там адрес и время. Я уж подумал, что это мне, но написано «Воронову». Бери.

Я взял конверт. Внутри — небольшой листок, отпечатанный на машинке: «Старый фонтан, угол Бутырской и Долгоруковской, 9 вечера, 5 июня. Приходи один. Без фокусов».

— Понятно. — Я спрятал конверт в карман.

— Смотри, Воронов. — Мироныч посмотрел на меня серьёзно. — Я буду неподалёку. Если что, свистну. Только не геройствуй. Отдай товар и сразу уходи.

— Хорошо, — ответил я.

Я забрал передатчик, завёрнутый в старую газету, и поехал домой. Всю дорогу прижимал его к груди, чувствуя, как сквозь бумагу пробивается тепло — нагретые от работы лампы. Или это мои руки горели от страха.

Дома я спрятал передатчик под кровать, задвинул глубже. Сел на пол, прислонился спиной к стене. Мысли путались. Завтра всё решится. Или я выйду из этой истории живым, или... Об этом не хотелось думать.

Я подумал о Гале. Она не приходила с воскресенья. Наверное, обиделась. Или, может, что-то почувствовала. В коридоре я иногда ловил её взгляд из-за приоткрытой двери — кажется, она жила в соседней квартире. Но она не подходила. Я не знал, радоваться этому или огорчаться.

Ночью в среду я не спал. В три часа, как по расписанию, в арке снова появился человек в плаще. Я смотрел на него из-за занавески. Он стоял неподвижно, потом медленно ушёл. Я уже привык к его визитам. И от этого было жутко: меня не просто пасли, а демонстративно, нагло, давая понять, что я в поле зрения.

В четверг утром я встал с чугунной головой. Умылся ледяной водой, побрился. Надел чистую рубашку, брюки. В карман положил передатчик, завёрнутый в газету. Вышел из дому в половине девятого.

До места я добрался на трамвае. Вышел на остановке, огляделся. Вечер был тёплый, пахло тополями и пылью. Я направился к старому фонтану на углу Бутырской и Долгоруковской. Это был небольшой сквер с сухим фонтаном, заваленным прошлогодними листьями. Вокруг — никого, только пара прохожих поодаль. Я сел на скамейку и стал ждать.

Минуты тянулись, как часы. Я прокручивал в голове сценарии: что сказать, как держать руки, куда бежать, если всё пойдёт не так. Но в глубине души понимал: бежать некуда.

В девять часов вечера из-за угла вышел человек. Он был в длинном сером плаще, хотя вечер был тёплый. Шляпа низко надвинута на лоб. Лица почти не видно. Он подошёл, сел рядом, но не слишком близко.

— Воронов, — произнёс он. Голос был низкий, с хрипотцой, как будто он простужен. — Принёс?

Я молча достал свёрток, протянул ему. Он взял, аккуратно развернул газету, осмотрел передатчик. Кивнул.

— Неплохо. Мироныч постарался?

— Да.

— А ты? — он повернул голову, и я впервые увидел его глаза. Тёмные, холодные, но с каким-то усталым прищуром. — Ты, говорят, память потерял?

Я слотнул.

— Слегка. После аварии.

— Ну-ну. — Он усмехнулся. — Ты бы поаккуратнее. А то, знаешь, люди с памятью иногда и совесть теряют.

Я промолчал.

— Ладно. Деньги у меня с собой. Держи. — Он достал из внутреннего кармана пачку купюр, перетянутую резинкой, и протянул мне. — Здесь пятьсот. Как договаривались.

Я взял деньги, не пересчитывая, спрятал в карман. Руки дрожали.

— А теперь, Воронов, слушай внимательно. — Он наклонился ближе, понизив голос. — Ты сделал одну работу. Будут другие. Не советую отказываться. И не советую болтать. Иначе пожалеешь.

Я почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Я не болтливый, — выдавил я.

— Вот и славно. — Он поднялся. — Через две недели получишь следующее задание. Инструкции придут по почте. И не вздумай исчезнуть.

Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Я остался сидеть на скамейке, сжимая в кармане деньги. В голове шумело. Я только что продал шпионский передатчик. Я стал соучастником. Я — предатель.

Потом я встал и побрёл к остановке. Ноги были ватные. В трамвае меня едва не вырвало. Я смотрел в тёмное окно на своё отражение и не узнавал себя. Отвращение к самому себе накрыло с головой.

Дома я заперся, бросил деньги в ящик стола, разделся и лёг. Меня трясло. Я лежал, глядя в потолок, и повторял про себя: «Что я наделал? Что я наделал?»

Ответа не было.

Глава 8. Возвращение на службу

После той ночи я долго не мог прийти в себя. Деньги, пятьсот рублей, лежали в ящике стола, как раскалённые угли. Я не мог к ним прикоснуться. Каждый раз, когда я открывал ящик, меня начинало трясти. Я продал себя. Продав Родину. Эти слова стучали в висках, не давали спать.

Утром в пятницу, 6 июня, я заставил себя встать, умыться, одеться. В понедельник я всё же позвонил в НИИ-35, сказал, что заболел, и мне пообещали передать начальнику. Теперь, в пятницу, я должен был выйти, иначе прогул станет необъяснимым.

Я вышел из дому в половине восьмого. Солнце слепило, но мне казалось, что все на меня смотрят. Я опустил голову, сунул руки в карманы и зашагал к Ленинградскому проспекту, 47. Идти было недалеко, минут двадцать. По дороге я твердил про себя легенду: грипп, высокая температура, справку не взял, потому что не до того было. В 1962 году за прогул могли пожурить, лишить премии, но не более.

Прходная НИИ-35 встретила меня запахом хлорки и машинного масла. Я показал пропуск, охранник лениво кивнул. Внутри было мрачно: длинные коридоры, высокие потолки, стены, выкрашенные в блёклый зелёный. Над входом висел портрет Ленина. Я поднялся на третий этаж, в отдел наладки.

В комнате сидело человек пять. Увидев меня, они замолчали. Молодой парень в очках, тот самый, что всегда подкалывал Воронова, присвистнул.

— О, явился! А мы уж думали, ты на больничный засел навечно.

— Здравствуйте, — пробормотал я, стараясь держаться естественно. — Заболел, температура была.

— Температура? — парень хмыкнул. — А по тебе не скажешь. Бледный, как простыня. Иди к начальнику, он тебя с утра ищет.

Я кивнул и прошёл в кабинет начальника. Иван Сергеевич, мужчина лет пятидесяти с седыми висками, поднял на меня усталые глаза.

— Воронов, ты? — он нахмурился. — Мне доложили, что ты звонил в понедельник, сказал, что болеешь. Но справки-то у тебя нет?

— Нет, Иван Сергеевич. Не до справки было, еле встал.

— Ладно. — Он вздохнул. — У нас тут завал. Блок питания для нового прибора до сих пор не отлажен. Ты в прошлый раз обещал разобраться. Что с ним?

Я слотнул. Внутри всё похолодело. Я не знал, что за прибор, что за блок питания.

— Иван Сергеевич, я после болезни не всё помню, — выдавил я. — Дайте мне день-два, я войду в курс.

Начальник удивлённо поднял бровь.

— Память потерял? Ну, Воронов, ты даёшь. — Он покачал головой. — Ладно, иди. Но к понедельнику блок должен работать. Иначе поставлю вопрос о твоём соответствии.

Я вышел из кабинета на ватных ногах. Меня бросило в жар. Я не знал, что делать. Единственный выход — сбежать, но это вызовет ещё больше подозрений.

Я сел за свой стол. На нём лежали схемы, какие-то детали. Я тупо уставился на них, чувствуя, как коллеги переглядываются за моей спиной.

— Воронов, ты чего? — парень в очках подошёл и сел рядом. — Забыл, как блок питания выглядит? Ты же сам его проектировал.

— Да, просто... после болезни голова не варит, — пробормотал я. — Напомни, что за прибор?

Парень посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Ты серьёзно? Это же опытный образец для новой измерительной аппаратуры. Мы его уже месяц делаем. А ты отвечал за питание.

— Ах да, — я сделал вид, что вспомнил. — Точно.

Но я по-прежнему ничего не знал. Я просидел до обеда, тупо перекладывая бумаги. Внутри нарастала паника. Если я не разберусь с этим блоком, меня уволят. А если уволят, я потеряю последнее прикрытие. Но что я мог сделать? Я не знал даже, как выглядит этот проклятый прибор.

В обеденный перерыв вышел на улицу, чтобы глотнуть воздуха. Ко мне подошёл тот же парень.

— Слушай, Воронов, а ты не видел вчера возле проходной мужика в плаще? — спросил он, прикуривая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.